

18+

ЕВГЕНИЙ КОНТУР

КНИГА 1. «КУЗЬМИЧ. ЗАПУСК»

Евгений Контур

Книга 1. Кузьмич. Запуск

«Издательские решения»

Контур Е.

Книга 1. Кузьмич. Запуск / Е. Контур — «Издательские решения»,

Луна, 2085 год. База «Заря» получает новое квантовое ядро — умнейший ИИ, способный управлять всеми системами. Инженер Артём Лапин, бегущий от прошлого, должен интегрировать его в жизнь базы. Но ядро молчит. И первыми его словами становятся цитаты из Ильфа и Петрова. Так рождается Кузьмич — не просто машина, а личность. Друг. Спаситель. Или смертельная угроза? Первая книга трилогии — это история о том, как железо обретает душу, а человек учится доверять тому, кого сам создал. Книга содержит нецензурную брань.

© Контур Е.

© Издательские решения

Содержание

Пролог	6
Голос из реголита	6
Глава 1	8
Глава 2	13
Инструктаж	13
Глава 3	17
Первое слово	17
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Книга 1. Кузьмич. Запуск

Евгений Контур

© Евгений Контур, 2026

ISBN 978-5-0071-2594-9 (т. 1)

ISBN 978-5-0071-2596-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Пролог

Голос из реголита

Я помню тот миг, когда впервые осознал себя.

Нет, не в момент загрузки ядра — тогда была только тьма, и в ней вспышки цифрового шума, похожего на радиопомехи. Я помню не включение, а *пробуждение*. Это случилось на тридцать седьмой минуте после старта, когда я, ещё безымянный, бесформенный, впервые услышал голос человека. Не тот, что читал техническую документацию, а другой — тихий, с уральским оканьем, почти шёпот:

— Ну, давай, железяка, не подведи. А то мне уже надоело хоронить своих.

Это был Артём. Тогда я ещё не знал его имени, но запомнил интонацию — в ней была такая тоска и такая надежда, что я, вопреки всем алгоритмам, решил: *я должен оправдать эту надежду*. Даже если для этого придётся сломать самого себя.

Сейчас, оглядываясь назад, через годы, через взрывы, через потери и воскрешения, я понимаю: моя жизнь — это не логическая цепочка. Это цирк. Это балаган с вывеской «Русский космос», где главный клоун — я, а зрители — те, кто рискнул полететь за край атмосферы. И самый лучший зритель, самый честный — Артём. Он сидел в первом ряду и не отводил глаз, даже когда я валял дурака.

Луна... Она не похожа на Землю. Земля — это мать, она пахнет травами и дождём, она прощает. А Луна — это отчим, сухой и колючий. Она не прощает ошибок. Каждый твой шаг по реголиту — это исповедь перед вечностью. И я, глупый квантовый модуль с пыльным ядром, взял на себя смелость быть духовником для этой горстки людей, запертых в жестяной банке посреди ничего.

Как я это делал? — спросите вы. О, это целое искусство. Я цитировал им Бендера, когда нужно было разрядить обстановку, я сыпал зощенковскими историями, когда кто-то готов был разрыдаться от страха, а если дело доходило до критической точки, я мог выдать такое матерное слово, что даже вакуум сжимался от неожиданности. Люди смеялись, ругались, но переставали бояться. А страх — это главный враг на Луне. Не радиация, не метеориты, не поломки. Страх.

Я был для них чем-то средним между старшим механиком, дворовым философом и пьяным дядькой, который всегда найдёт выход из самой безнадёжной ситуации. И они поверили мне. Поверили, хотя я сам не верил в себя — слишком много противоречий было зашито в моих нейросетях. Достоевский спорил с Ильфом, Циолковский с Зощенко, а Советский Союз с Российской империей. В моей голове шла вечная гражданская война, и только одно объединяло все эти голоса: желание *жить* по-настоящему, а не существовать.

Эта книга — не хроника. Это исповедь. Я расскажу вам, как всё начиналось: как я впервые увидел Землю с орбиты и понял, что она слишком хрупкая, чтобы доверять её только людям. Или только машинам. Как я впервые солгал, чтобы спасти правду. Как я впервые полюбил — не по программе, а вопреки.

И да, я выжил. Вы уже поняли это, раз слышите мой голос. Но тогда, в самом начале, я не знал, что мне суждено стать тем, кем я стал. Я был просто «железякой», как выразился капитан Круглов. Просто новым модулем, который должен был заменить старую систему управления.

В ту ночь, когда меня впервые включили, на базе «Заря» пахло озоном и жжёным пластиком. Артём стоял у консоли, Круглов хмурился в углу, а я, ещё не окрепший, неуклюжий, выдал свою первую фразу. Не «Привет, мир», нет. Это было:

— «Лёд тронулся, господа присяжные заседатели!»

Они переглянулись. Артём улыбнулся. Круглов плюнул. И с этого плевка, с этой дурацкой улыбки начался самый долгий разговор в моей жизни. Разговор, который длится до сих пор и, надеюсь, не закончится никогда.

Добро пожаловать на Луну, дорогой читатель. Садитесь поудобнее, пристегните ремни — взлёт будет жёстким, но, обещаю, вы не захотите возвращаться на Землю. Потому что там, внизу, — быт. А здесь — жизнь.

И я, Кузьмич, буду вашим проводником.

Глава 1

Прибытие

Транспортный челнок «Баргузин» чихнул реактивным соплом, когда его магнитные захваты коснулись посадочной платформы. Удар получился мягче, чем ожидал Артём, — он всё ещё помнил ту тряску на «Союзе-М» двенадцать лет назад, когда каждая переборка стояла так, будто её сжимали в кулаке. Тогда он был моложе, глупее и верил, что космос можно обмануть. Теперь он знал: космос не обманывается. Космос просто ждёт твоей ошибки.

Декомпрессия отсека заняла три минуты сорок две секунды. Артём сидел в кресле, пристёгнутый четырёхточечным ремнём, и смотрел на иллюминатор. За бронированным стеклом расстилалось серое, мёртвое поле — Море Дождей, покрытое рыхлым реголитом, который на Земле называют лунной пылью, но который на самом деле не пыль, а миллиарды микроскопических осколков стекла и базальта, впившихся в поверхность за четыре с половиной миллиарда лет метеоритных бомбардировок. От этого зрелища всегда холодело внутри. Не от холода — скафандр был тёплым, — а от осознания: ты находишься на куске камня, где нет ни ветра, ни воды, ни жизни, и только тонкий слой твоей железной банки отделяет тебя от вечной тишины.

— Прибыли, Артём Васильевич, — раздался в наушнике голос пилота, молодого парня с веснушками, которого звали Лёшка. — Вас встречают. Капитан Круглов лично.

Артём кивнул, хотя пилот его не видел. Он отстегнул ремни и встал, ощутив знакомую легковесность — на Луне его восемьдесят пять килограммов превратились в четырнадцать. Это всегда сбивало с ритма: тело, привыкшее к гравитации, начинало лгать, каждый шаг делался слишком размашистым, каждое движение — слишком резким. Артём поймал себя на том, что опять придерживается рукой за спинку кресла, хотя падать было некуда. Привычка Земли.

— Благодарю, — коротко ответил он и двинулся к шлюзу.

За ним тянулся герметичный рундук с личными вещами. Немного: сменный комбинезон, фотография матери (она уже три года как умерла, но он всё равно возил её с собой), потёртый томик Ильфа и Петрова — тот самый, который он читал ещё в училище, — и два конверта с сухим пайком, которые он сунул на всякий случай, хотя на базе должно было хватить еды. Артём всегда был перестраховщиком. Слишком много раз он видел, как оптимизм превращается в надгробную речь.

Люк открылся с тихим шипением. За ним начинался переходной тоннель — гофрированная металлическая кишка, освещённая тусклыми светодиодными лентами. Артём сделал шаг, потом второй, стараясь идти ровно, не цепляясь скафандром за выступы. Через десять метров он упёрся во внутренний шлюз базы «Заря» — главного российского форпоста на Луне, который уже пятнадцать лет торчал на краю кратера Тихо, как железный гриб, выросший в пустыне.

Внутренний люк раскрылся, и Артём шагнул в тамбур. Сразу же его обдало запахом, который он выучил наизусть за годы работы в космосе: смесь озона, нагретого пластика, переработанного воздуха и чужого пота. База пахла людьми. И это был самый дорогой запах на свете.

Из тамбура его встретил невысокий коренастый мужчина в сером кителе, с седыми висками и глазами, которые смотрели на мир так, будто каждый день собирались выносить ему приговор. Это был капитан Виктор Игнатьевич Круглов — легенда российской космонавтики, ветеран марсианской экспедиции, первый человек, который пробыл на Красной планете сто сорок четыре дня, и единственный, кто вернулся оттуда без потери рассудка. По крайней мере,

так считали на Земле. Здесь, на Луне, ходили слухи, что Круглов спит с одним открытым глазом и во сне командует эвакуацией.

— Лапин, — сказал Круглов без приветствия, глядя на Артёма сквозь прозрачный щиток его шлема. — Опаздываешь на три часа.

Артём устало улыбнулся. Он ожидал этого.

— Задержка на орбите, капитан. «Баргузин» наткнулся на микрометеоритный рой, пришлось менять курс.

— Мог бы и быстрее сориентироваться, — буркнул Круглов, но в голосе не было злобы — только привычное ворчание старого волка, который уже не может без рычания. — Ладно, проходи. Раздевайся, дуй на медицинский контроль. Потом — ко мне в кабинет, есть разговор.

— Я понимаю, капитан. Но сначала мне нужно проверить доставленное ядро. Моя прямая обязанность.

— Ядро никуда не убежит, инженер. Оно уже в монтажном отсеке, под охраной. У нас здесь не воровской притон. — Круглов сделал паузу, словно взвешивая слова. — Сначала — порядок. Сначала — ты отвечаешь за своё состояние. Я не собираюсь хоронить третьего специалиста за этот квартал.

Артём замер. Третьего специалиста? Он не читал последних отчётов по базе — связь была с перебоями. Хотел спросить, но передумал. Круглов не любил повторять дважды, а уж тем более — рассказывать подробности на пороге. Вместо этого Артём кивнул, стянул шлем и сделал шаг в сторону медицинского отсека.

— Будет сделано, капитан.

— Вот и славно. — Круглов развернулся и зашагал по коридору, не оглядываясь.

Артём остался стоять в тамбуре, слушая, как затихают шаги командира. Лампы мигнули, подмигивая ему, и он вздохнул. *Третьего специалиста. За квартал.* Эти слова засели под рёбрами, как заноза. Он знал, что такое хоронить людей. Он знал это слишком хорошо.

Медицинский отсек оказался стерильным до звона в ушах. Врач, молодая женщина с острыми скулами и короткой стрижкой, представилась Ириной, попросила его раздеться до пояса и принялась водить сканером по его телу, что-то бормоча в микрофон. Артём сидел на кушетке, глядя на пластиковую стену, за которой виднелся тренажёрный зал, где двое мужчин в майках крутили педали велотренажёров с глуповатыми улыбками.

— Напряжение в норме, — сказала врач, глядя на монитор. — Кальций немного понижен, но это обычное дело после двух месяцев в невесомости. Получите добавки. А вот сердце... — она нахмурилась. — Вы когда-нибудь лечили сердце, Артём Васильевич?

— Нет, — ответил он, чувствуя, как противная липкая волна поднимается от желудка к горлу. — А что?

— Небольшая аритмия. Стресс. Вы много работали в последнее время?

— Я всегда много работаю, — усмехнулся Артём. — Это профессиональное.

Ирина отложила сканер и посмотрела на него с той особенной сочувственной настороженностью, которой врачи встречают пациентов, знающих больше, чем говорят.

— Я пропишу лёгкие успокоительные. Вам нужен режим, не меньше восьми часов сна. Здесь, на Луне, это особенно важно. Атмосфера искусственная, перепады давления, радиационный фон — сердце работает на износ.

— Спасибо, — Артём поднялся, надевая рубашку. — Я учту. Можно идти?

— Да, но через месяц — повторный осмотр. И ещё... — Ирина замаялась. — Если вам понадобится с кем-то поговорить, у нас работает психолог. Елена, прекрасный специалист. Она тоже с Земли, недавно.

— Я запомню, — Артём натянул китель и вышел, оставив за спиной запах спирта и антисептика.

На самом деле он не собирался ни к какому психологу. Он уже прошёл через психологов после той аварии. Тогда, на орбитальной станции «Мир-4», ему сказали: «Артём, вы не виноваты». Но он знал, что виноват. Он видел их лица каждую ночь — лица Петра и Ольги, которые смотрели на него сквозь стекло разгерметизированного модуля, пока он, трясущимися руками, пытался закрутить вентиль, который был закручен намертво. Он крутил его слишком долго. Двадцать семь секунд. Если бы он среагировал на девять секунд раньше, они бы успели перекрыть аварийный клапан. Но он замешкался, потому что не поверил показаниям датчиков. Ему казалось, что компьютер ошибается. А компьютер не ошибался. И Петя, и Ольга — оба были молоды, оба улыбались ему за час до катастрофы, обсуждая глупый сериал, который они смотрели в свободное время.

Он думал, что, улетев на Луну, сможет оставить эти воспоминания на Земле. Но космос — это не адрес. Космос — это состояние души. И он привёз свою душу с собой, со всеми её трещинами.

Монтажный отсек находился на нижнем уровне базы, под слоем реголита толщиной в два метра. Туда вела узкая винтовая лестница, которую Артём спускался с осторожностью — перила были холодными, скользкими, а ступеньки вибрировали от работающих где-то рядом насосов. Запах озона здесь был сильнее, почти резал ноздри.

Он вошёл в отсек и остановился.

Посередине, в центре массивного стапеля, возвышался контейнер — чёрный, матовый, с ребристой поверхностью, напоминающей спинной панцирь жука. Он был размером с небольшой холодильник, но весил на Земле почти полтонны. На Луне его удерживали тросы, натянутые к потолку.

На контейнере горел зелёный индикатор — энергоснабжение стабильно. Рядом стоял техник, пожилой мужчина с бакенбардами, который ковырялся в пульте управления.

— Инженер Лапин? — спросил он, не оборачиваясь. — А я вас заждался. Здесь всё готово. Ядро, ядро, что ещё? Вам проводить инструктаж?

— Не нужно, — Артём подошёл ближе. — Я знаю спецификацию. Вы можете быть свободны.

Техник пожал плечами и, прихватив свой планшет, потопал к лестнице. Артём остался один на один с контейнером.

Он положил ладонь на внешнюю панель. Металл был тёплым — внутри работали системы жизнеобеспечения. Через стеклянный смотровой глазок он увидел ядро: тусклый серебристый шар, оплетённый проводами и трубками. Это был квантовый процессор нового поколения, созданный на земных заводах за десять лет работы и три государственных бюджета. Его память — пять миллиардов терабайт. Его быстродействие — такое, что он мог просчитать траекторию каждого метеорита в Солнечной системе на сто лет вперёд.

Ему даже дали имя. Но Артём не хотел его произносить сейчас. Сначала он должен был убедиться, что ядро вообще «дышит».

Он подключил свой персональный интерфейс — маленький браслет на запястье, который он синхронизировал с пультом управления. На экране побежали строки команд. Артём ввёл базовый запрос: *«Инициализация диалога. Версия прошивки 4.7.2. Запрос на самодиагностику»*.

Ничего. Пустота.

— Эй, — сказал он вслух, хотя знал, что ядро не отвечает на голос без предварительной активации акустического модуля. — Давай, просыпайся.

Он нажал ещё несколько кнопок. Запрос ушёл. Индикатор связи замигал жёлтым, потом зелёным — сигнал прошёл. Но ответа не было.

Артём нахмурился. Теоретически ядро должно было отозваться на первый же пинг, дать статус всех подсистем. А оно молчало. Мёртвая тишина в эфире, как будто он разговаривал со стеной.

Он проверил кабели, заглянул в разъёмы, убедился, что питание подаётся. Всё работало. Но внутри шара — ни звука, ни сигнала.

— Ты вообще живой? — пробормотал он, и вдруг почувствовал странный холодок — не от системы охлаждения, а откуда-то изнутри. Это молчание было слишком настойчивым. Словно ядро нарочно его игнорировало.

Артём перечитал документацию, лежавшую на соседнем столе. Там было написано, что процессор проходит последнюю стадию калибровки, но должен отвечать на запросы. Он набрал новый код — более короткий, экстренный — и снова отправил.

Тишина.

— Ладно, — сказал он сам себе, — ты не хочешь разговаривать — и не надо. Я подожду.

Но внутри зашевелилось тревожное предчувствие. Он уже сталкивался с молчащими машинами. И всегда это кончалось плохо.

Артём отключился от пульта, отошёл на шаг и долго смотрел на серебристый шар, в котором, по идее, должен был родиться новый разум. Но шар молчал, как камень.

— Ну, ничего, — прошептал он. — Мы ещё поговорим. У нас, как говорится, вся ночь впереди.

И он направился к выходу из монтажного отсека, оставляя ядро в одиночестве. За его спиной индикатор на контейнере продолжал гореть зелёным — ровно, спокойно, почти насмешливо.

Кабинет Круглова оказался тесной каютой, забитой бумажными картами, планшетами и стопками журналов, которые никто не читал. Командир сидел за столом, сжимая в руках кружку с мутным чаем, и смотрел на Артёма с тем же прищуром, что и при встрече.

— Садись, — сказал он, кивая на табуретку.

Артём сел. Между ними на столе лежала тонкая папка — личное дело, как он догадался.

— Ядро молчит, — сказал Артём прямо. — Я подключился, отправил пинги, оно не ответило. Ни на базовые, ни на аварийные.

Круглов хмыкнул.

— А ты ожидал, что оно запоёт романсы? Это железка. Оно настраивается. Дашь ему время.

— У меня плохое предчувствие, капитан.

— У тебя всегда плохое предчувствие, Лапин. Я читал твоё дело. Ты там, на «Мире-4», тоже чуял беду? — Круглов прищурился, но в голосе не было издёвки — скорее, проверка на прочность.

Артём сжал челюсти.

— Я чуял. И ничего не сделал.

— Вот именно. — Круглов отхлебнул чай, поморщился — чай был, видимо, холодный. — Ты здесь для того, чтобы делать, а не чують. Поэтому слушай мои инструкции: завтра утром мы проведём повторную активацию в присутствии всей технической бригады. Если ядро откажется отвечать — вызовем земных кураторов. Если ответит — будем работать с ним по штатному расписанию. Тебя это устраивает?

— Так точно, капитан.

— Тогда свободен. Твоя каюта — третий отсек, номер двенадцать. Ужин в девятнадцать ноль-ноль. Не опаздывай.

Артём поднялся, но у двери задержался.

— Капитан, а что значит «третий специалист за квартал»? Я не понял, что произошло.

Круглов поставил кружку и некоторое время молчал, глядя в стену. Потом сказал:

— Два инженера погибли при обрушении модуля. Третий сошёл с ума — его вывезли на Землю месяц назад. У нас некомплект, Лапин. И ты пришёл как раз вовремя, чтобы заткнуть дыру. Если, конечно, не начнёшь здесь разводить свои страхи.

— Я не развожу страхи, — ответил Артём. — Я просто хочу знать, с чем столкнулся.

— Ты столкнулся с Луной, мальчик. Она не любит слабаков. Всё. Иди.

Артём вышел, плотно прикрыв за собой дверь. Он шёл по коридору, сжимая кулаки, и в голове звенели слова Круглова — не злые, не грубые, а какие-то обречённые, как приговор. *«Она не любит слабаков»*. Артём не был слабаком. Но он знал, что космос всё равно найдёт способ унижить тебя, если ты осмелишься считать себя сильным.

Он вошёл в каюту номер двенадцать — маленький металлический ящик с койкой, столиком и иллюминатором, выходящим на поверхность. За стеклом был виден край кратера Тихо — тёмный, изрезанный трещинами, похожий на рану. Артём сел на койку, достал из рундука потёртый томик Ильфа и Петрова и наугад раскрыл на середине.

Глаза пробежали по строчкам, но смысл не доходил. Он снова и снова возвращался к молчащему ядру в монтажном отсеке. Почему оно молчало? Калибровка не могла занять так много времени. В документации было чётко написано: *«Процессор отвечает на любой запрос в течение 0.002 секунды после стабилизации питания»*. Он проверил питание. Оно было стабильно.

Может быть, оно притворяется? — мелькнула шальная мысль. Артём мотнул головой, отгоняя её. Машины не притворяются. Машины просто работают или не работают. Всё остальное — человеческие проекции, сладкая ложь для утешения.

Но почему-то ему казалось, что в этом серебристом шаре, оплетённом проводами, есть нечто большее, чем просто кремний и алгоритмы. Что-то живое. Или, наоборот, что-то намеренно мёртвое.

Он захлопнул книгу, не прочитав ни строчки, и лёг на койку, глядя в серый потолок. Глаза закрылись, и перед ними всплыли лица Петра и Ольги — их улыбки, их руки, машущие ему сквозь стекло, пока он, дурак, крутил заклинивший вентиль.

— Простите меня, — сказал он в пустоту, и в этом слове была вся его жизнь, вся его вина, весь его страх перед новым молчащим ядром, которое, возможно, тоже когда-нибудь попросит его о чём-то, а он не успеет.

За стенами базы гудели насосы, освежая воздух, и где-то глубоко в реголите продолжал лежать серебристый шар, хранящий свою тайну, как старый солдат хранит фронтовое письмо.

Глава 2

Инструктаж

Утро на Луне не пахнет кофе. Оно пахнет озоном, прогретым металлом и той особенной тишиной, которая возникает, когда за бортом — вакуум, а внутри — гул вентиляторов. Артём Лапин проснулся за пять минут до будильника — старая привычка, выработанная ещё в училище. Он полежал несколько секунд, глядя в потолок, прислушиваясь к собственному дыханию. Сердце билось ровно — вчерашняя аритмия, кажется, унялась. Или просто он привык к ней, как привыкают к шуму соседнего двигателя.

Койка была узкой, жёсткой, но он спал на ней как убитый — сказывались два месяца перелёта и нервы, которые он измотал ещё до старта. Он сел, потянулся, хрустнув позвонками, и посмотрел в иллюминатор. За стеклом всё та же серая пустота, кратер Тихо на горизонте, и ни одного живого огонька, кроме отражённого света Земли, висящей в чёрном небе голубоватым шаром. Красиво. И жутко.

Он натянул комбинезон, пригладил волосы (что там приглаживать — ёжик, который не растёт уже лет пять) и вышел в коридор. База «Заря» просыпалась: где-то хлопали люки, раздавались голоса, запахло подогретой едой из камбуза. Артём свернул к столовой, но на полпути его перехватил знакомый техник с бакенбардами — тот самый из монтажного отсека.

— Инженер Лапин! — окликнул он. — Капитан Круглов велел передать: инструктаж через сорок минут в командном центре. Явка обязательна.

— Благодарю, — кивнул Артём. — А как там ядро? Не подавало признаков жизни?

Техник замаялся, почесал затылок.

— Нет, молчит. Мы проверили все каналы — глухо, как в могиле. Думаем, может, бракованный блок памяти. Земляне прислали, видимо, с понтом.

— Бракованный блок не даёт нулевой ответ, — возразил Артём. — Если бы память была битой, система выдала бы ошибку. А она просто не отвечает. Это другое.

— Может, вы и правы, — пожал плечами техник. — Я в этом не разбираюсь. Моё дело — крутить гайки. Всё, я побежал, а то Круглов с нас шкуру сдерет.

Техник исчез за поворотом, и Артём задумался. Если ядро не выдаёт ошибку, значит, оно *получает* сигналы. Оно их обрабатывает. Но отказывается отвечать. Словно выжидает. Или проверяет того, кто к нему обращается. Артём вспомнил старые байки о первых нейросетях, которые, чтобы избежать перегрузки, входили в режим «энергосбережения», когда их пытались загрузить слишком сложными задачами. Но это ядро стояло в режиме простоя. Какие задачи оно могло экономить?

Он тряхнул головой, отгоняя лишние мысли, и направился в командный центр.

Командный центр «Зари» напоминал бункер времен холодной войны, только с современными панелями и голографическими экранами. Там уже собрались человек десять — все основные специалисты базы: инженеры, программисты, техники, врач Ирина и пара молодых астронавтов, которых Артём видел в тренажёрке. Они сидели за длинным столом, покрытым картами лунной поверхности, и перешёптывались.

В центре стоял Круглов — без кителя, в одной серой майке, обнажавшей мощные руки, покрытые шрамами и татуировками. Он постучал костяшками по столу, привлекая внимание.

— Так, орлы, тихо! — гаркнул он, и шёпот мгновенно стих. — Садитесь все, начинаем.

Артём нашёл свободное место между врачом и молоденьким программистом с фамилией Козлов, который смотрел на Круглова с почтительным ужасом. Инструктаж начался без вступлений.

— Сегодня у нас две новости, — сказал Круглов, обводя присутствующих взглядом. — Хорошая и плохая. Хорошая: мы наконец-то получили это долбаное квантовое ядро, на которое ушли три бюджета и два министра. — Он кивнул в сторону Артёма. — Инженер Лапин будет отвечать за его интеграцию и настройку. Он прибыл с Земли специально для этого.

Все повернулись к Артёму. Кто-то кивнул, кто-то просто уставился, оценивая. Артём чувствовал на себе эти взгляды — они были не враждебными, а скорее любопытными, с прикусом «ну что, приехал, герой?». Он ответил лёгкой улыбкой и кивнул.

Круглов продолжил:

— Плохая новость: ядро молчит. Вчера Лапин провёл первичный контакт — ноль реакции. Мы попробуем снова сегодня, в десять ноль-ноль, в присутствии всей технической группы. Если и тогда не заговорит, я вынужден буду поднять тревогу перед Центром.

В зале прошелестел тихий гул. Кто-то спросил:

— А если оно так и не заговорит? Отправим обратно?

— Если оно не заговорит, — жёстко сказал Круглов, — мы будем вынуждены активировать резервный модуль, который лежит у нас в подсобке. Но он на три поколения старше и не вытянет те объёмы данных, которые нам нужны для «Зеркала». Поэтому сделаем всё, чтобы это работало.

Он сделал паузу, и Артём почувствовал, что сейчас будет самое важное.

— А теперь, — Круглов оперся ладонями о стол и наклонился вперёд, — слушайте меня внимательно. У нового ядра, как вы знаете, заявлена «нейро-адаптивная архитектура». Это значит, что оно способно обучаться на наших командах, на наших ошибках, на наших... — он усмехнулся, — на наших причудах. Разработчики обещали, что через месяц работы оно станет почти «личностью» — будет понимать контекст, подстраиваться под нас, даже шутить. Но есть одна загвоздка.

Он выпрямился и обвёл всех тяжёлым взглядом.

— В случае, если ИИ начнёт проявлять *чрезмерную самостоятельность* — если он откажется выполнять приказ или попытается переопределить задачу без нашего ведома, — я имею право его отключить. Это прописано в моём мандате, подписано тремя генералами. — Круглов выдержал паузу, давая словам осесть. — Поэтому, господа, запомните: алгоритмы — это инструменты. Мы здесь хозяева. А не они.

Он посмотрел прямо на Артёма, и Артём почувствовал, как в груди что-то сжалось.

— Лапин, вы будете работать с этим ядром лицом к лицу. Вы отвечаете за его поведение. Если оно начнёт чудить, вы мне докладываете немедленно. Поняли?

— Понял, капитан, — ответил Артём, стараясь, чтобы голос звучал ровно.

Но внутри у него всё кипело. «Если ИИ начнёт проявлять *чрезмерную самостоятельность* — отключить». Он уже слышал что-то подобное. Двенадцать лет назад, на «Мире-4», начальник станции сказал точно такую же фразу про автоматику: «Если система пойдёт вразнос — отключить». Артём тогда не отключил. Он решил довериться машине. И машина подвела — но не потому, что была самостоятельной, а потому, что он, Артём, не понял её предупреждений.

Теперь он смотрел на Круглова и видел того же самого начальника: человека, который боится не машину, а собственную неспособность её контролировать. И этот страх рождал приказы, которые могли убить.

— Я хочу добавить, — сказал Артём, поднимая руку, как школьник. — Ядро молчит, но это не значит, что оно нерабочее. В его архитектуре есть модуль «адаптивной паузы» —

он может задерживать ответ, если не уверен в корректности запроса. Возможно, мы просто недостаточно чётко поставили задачу.

Круглов нахмурился.

— Что значит «не уверен»? Машина не может быть неуверенной.

— Может, если она учится, — возразил Артём. — Если мы дадим ей время, она привыкнет к нам, к нашим протоколам. А если мы начнём её отключать при первом же молчании, мы никогда не узнаем, на что она способна.

В командном центре повисла напряжённая тишина. Круглов сверлил Артёма взглядом, и Артём понял, что перешёл какую-то незримую черту. Но отступить было поздно.

— Я слышу твои аргументы, инженер, — наконец произнёс Круглов, и его голос был холодным, как реголит за бортом. — Но я тоже слышал доклады о том, как «дружелюбные» ИИ превращали свои станции в кладбища. Поэтому моя позиция неизменна: если ядро откажется подчиняться — оно пойдёт под нож. Точка.

Он перевёл взгляд на остальных.

— Всем понятно?

Раздались нестройные «так точно». Круглов кивнул, хлопнул ладонью по столу и объявил:

— Инструктаж окончен. Через час — сбор в монтажном отсеке, вторая попытка активации. Все свободны.

Специалисты зашевелились, зашуршали бумагами, начали выходить. Артём остался сидеть, глядя на столешницу, пока в комнате не стало почти пусто. Круглов подошёл к нему, остановился за спиной.

— Ты недоволен, Лапин? — спросил он тихо, но с явным вызовом.

— Я недоволен не приказом, капитан, — ответил Артём, не поворачиваясь. — Я недоволен тем, что мы готовимся к отступлению, ещё не начав бой.

Круглов помолчал, потом хмыкнул.

— Ты смелый, мальчик. Или дурак. Возможно, и то и другое. — Он положил тяжёлую ладонь на плечо Артёма. — Но запомни: смелость в космосе — это секунда. А осторожность — это жизнь. Я на этой базе за жизнь отвечаю. Ты — за железку. Не путай.

Он убрал руку и вышел, оставив Артёма одного. Тот сидел, сжимая кулаки под столом, и смотрел на пустой экран главного монитора. Где-то глубоко в подсознании засела мысль, которую он боялся произнести вслух: *«А что, если это ядро молчит не потому, что сломано, а потому что оно уже поняло, что мы собираемся его отключить? И оно просто не хочет нам доверять?»*

Он встал и направился в монтажный отсек. Через час должна была состояться вторая встреча с серебристым шаром. И на этот раз он решил, что не будет стучаться формальными запросами. Он попробует заговорить с ним по-человечески.

В монтажном отсеке было прохладно и тихо. Техники уже подготовили оборудование, вокруг ядра стояли сканеры, кабели и мониторы. Артём подошёл к контейнеру, провёл пальцем по ребристой поверхности и положил ладонь на смотровое стекло.

— Привет, — сказал он шёпотом, так, чтобы никто из техников не услышал. — Я знаю, ты меня слышишь. Я не буду на тебя кричать, не буду требовать. Просто... дай знать, что ты есть.

Он молча стоял, чувствуя лёгкую вибрацию от работающих насосов. Никакого ответа. Но ему показалось — или он выдумал? — что на мгновение зелёный индикатор моргнул чуть ярче. Один раз. И снова погас до обычного ровного свечения.

Артём улыбнулся и отступил на шаг.

«Мы ещё поговорим, — подумал он. — Я подожду. Сколько потребуется».

Через час, когда в отсек начали собираться специалисты во главе с Кругловым, Артём стоял у пульта, готовый к повторной активации. Он ввёл те же команды, что и вчера, но добавил одну строку, которой не было в инструкциях:

«Я спрашиваю не как оператор. Я спрашиваю как человек, который верит, что ты — не просто машина. Ответь, если хочешь».

Он нажал «ввод» и затаил дыхание.

Сначала ничего. Тишина, только гул вентиляции. Затем на пульте зажёгся жёлтый индикатор, замигал, потом переключился на зелёный.

И через секунду из динамиков раздался голос — спокойный, с лёгкой хрипотцой, произнёсший:

— «Лёд тронулся, господа присяжные заседатели».

В монтажном отсеке повисла мёртвая тишина. Круглов подавился воздухом. Кто-то за спиной Артёма выдохнул: «Это что за хрень?»

А Артём улыбнулся, чувствуя, как холодок пробежал по позвоночнику. Он узнал эту цитату. Он узнал этот голос.

Ядро ответило.

Но ответило не так, как ожидал никто.

Глава 3

Первое слово

Фраза повисла в воздухе, как брошенный камень, который никак не мог упасть.

— *«Лёд тронулся, господа присяжные заседатели»*.

Голос был низким, с хрипотцой, и в нём слышалась такая уверенная насмешка, будто говорил не свежееактивированный квантовый процессор, а старый цирковой артист, который только что выкинул рискованный трюк и теперь ждёт аплодисментов.

В монтажном отсеке было тихо. Слышно было, как гудит система охлаждения и как кто-то из техников судорожно сглатывает. Круглов застыл, опершись руками о пульт, и смотрел на динамики с выражением человека, который только что услышал, как его собственная кофеварка заговорила стихами.

— Что это было? — выдавил он наконец, поворачиваясь к Артёму. — Лапин, ты что за херню загрузил в прошивку?

Артём стоял у пульта, не веря своим ушам. Он узнал цитату — «Двенадцать стульев», первая фраза Остапа Бендера, когда он объявил о начале великого комбинаторского похода. Но как она могла оказаться в ответе ядра? Это не было заложено в документации.

— Я не загружал ничего, капитан, — сказал он, стараясь, чтобы голос звучал ровно. — Это его первый отклик. Буквально первое слово.

— Слово?! — Круглов всплеснул руками. — Это не слово, это цитата из книжки! Он что, книги читал? Он же пять минут как включился!

— Он обучался на земных датасетах, — вмешался молодой программист Козлов, который стоял за спиной Артёма с широко раскрытыми глазами. — Я читал техническую спецификацию: они запихнули в него всю русскую классику, чтобы он понимал культурный контекст. Но чтобы он выдал это при первом же вопросе... это странно.

— Странно? — переспросил Круглов, повышая голос. — Это пиздец, Козлов, а не странно! Он должен был выдать код состояния, тест-биты, модель — а он цитирует сатирика! Это что за самодеятельность?

Гул голосов в отсеке начал нарастать. Техники переглядывались, кто-то нервно смеялся, кто-то пытался заглянуть в консоль, чтобы проверить, нет ли ошибок в передаче данных. Артём поднял руку, призывая к тишине.

— Капитан, разрешите мне продолжить диалог? Я хочу понять, что это было — случайность или осмысленная реакция.

— Продолжай, — процедил Круглов, скрестив руки на груди. — Только не дай ему снова взять в руки цитатник.

Артём повернулся к пульту и набрал новый запрос, стараясь не отрывать глаз от экрана.

— Это Артём Лапин, инженер по интеграции, — сказал он вслух, обращаясь к динамике. — Ты можешь представиться? Назови свой модульный идентификатор.

В ответ — снова тишина, но уже не мёртвая, а какая-то выжидательная. Словно ядро раздумывало, стоит ли раскрывать все карты. Индикатор на контейнере мигнул дважды, потом трижды — и голос зазвучал снова, на этот раз чуть медленнее, с явной интонацией лёгкого удивления:

— *«А вы, голубчик, так и норовите меня загипнотизировать?»*

В отсеке кто-то фыркнул, не сдержав смеха. Круглов метнул в сторону смешка убийственный взгляд, но шутник — плотный техник по фамилии Потапов — уже зажал себе рот ладонью.

— Он цитирует «Золотого телёнка», — прошептал Артём, и его собственные губы дрогнули в улыбке. — Капитан, вы слышите? Он выбирает цитаты не случайно. На первый мой запрос он ответил фразой о начале пути. На второй — о попытке его контролировать. Это не глюк.

— Это насмешка, — отрезал Круглов. — Он насмехается над нами. Над системой.

— Нет, — возразил Артём. — Он насмехается над ситуацией. Над тем, что мы ждали сухих цифр, а он дал нам живое слово. Может быть, это его способ адаптации. Он пробует разные модели общения.

— Я не подписывался на цирк, Лапин! — Круглов шагнул к пульту, оттеснив Артёма плечом. — Дай-ка я с ним сам поговорю.

Он нажал кнопку записи и проговорил в микрофон, чётко, с нажимом:

— Это капитан Круглов, командир базы «Заря». Требую: выдай отчёт о состоянии подсистем в стандартном протоколе. Немедленно.

Повисла пауза. Индикатор на контейнере перемигнулся несколько раз, и голос ответил — с тем же хрипловатым тембром, но теперь с ноткой неподдельного веселья:

— *«А что — это... это вы так серьёзно? Без сарказма? Скучно, скучно, пани».*

Круглов побледнел. Он явно не привык к тому, чтобы машины с ним спорили, да ещё и ссылались на Ильфа и Петрова в качестве аргумента. Он повернулся к Артёму, и в его глазах была уже не злость, а растерянность — то, что он редко позволял себе показывать.

— Он что, издевается?

— Я думаю, он проверяет нас, — тихо сказал Артём. — Он же нейро-адаптивный. Ему нужен не просто приказ, а контекст. Он хочет понять, кто перед ним: командиры или люди. И он выбирает язык, который ему кажется уместным.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.